

К. Е. СКУРАТ,
профессор Московской Духовной Академии,
доктор Церковной истории

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЕНИЕ ХРИСТИАНИНА в искусстве церковного слова Древней Руси

"Добро бо есть о Бозе начати, и о Бозе кончати"
(Житие преп. Сергия Радонежского, 8: 265).

"Людие, сидящи в тьме и в сени далече, видехом свет
веры апостолом нашим, посланным от Бога, князем
Владимиром: сам Бога познав святым крещением, и нам
Того показав, покров невидения от душ наших отъят,
светлостию трисътавнаго Божества озарени быхом"
(Киево-Печерский Патерик, 6: 457).

Литургическая сторона и церковное искусство русского Православия, имеющие целью возведение христианина в мир горних обитателей, направлены здесь, на земле, на пересоздание человека, на воспитание его по образу Христа (2 Кор. 3, 18). К тому же в неразрывном единстве направлено было и искусство церковного слова Древней Руси. Творения первых семисот лет русской литературы строились, по меткому определению академика Д. С. Лихачева, согласно "анфиладному принципу": "житие дополнялось с течением веков службами святому" (26:13). Церковная литература ставилась по своему значению близко к священнодействиям. Читавший ее внутренне умиротворялся, настраивался на молитву, готовился к беседе с Богом и беседовал с Ним. "Он предстоял произведению, как и иконе, испытывал чувство благоговения. Оттенок этого благоговения сохранялся даже тогда, когда произведение было светским" (Д. С. Лихачев, 26:18). Поэтому для более полного раскрытия литургической жизни Церкви и ее искусства следует обратить внимание и на древнюю русскую церковную литературу.

* * *

Русская церковная литература появилась и быстро стала расти и распространяться с принятием Русью христианства. За семь первых веков, составивших так называемый период "древней русской литературы", церковная литература выступила как единое величественное целое, направленное к разъяснению призвания человека в земном мире, смысла и образа его бытия.

Развивалась церковная литература Руси с помощью доброго влияния соседних стран — Византии и Болгарии, имевших окрепшую правильную церковную организацию и богатую духовную культуру. Особенно хотелось бы отметить влияние духовного опыта славянской Болгарии, более чем на сто лет раньше Руси просвещенной светом Христовой веры. "Мы, — пишет Д. С. Лихачев, — сможем по-настоящему оценить значение скачка (в области литературы. — К. С.), если обратим внимание на превосходно организованное письмо, перенесенное к нам из Болгарии, гибкость и выразительность переданного нам оттуда же литературного языка, на обилие переведенных в Болгарии и созданных в ней же сочинений, которые уже с конца X в. начинают проникать на Русь" (13:5). И вплоть до XVIII столетия "у народов православного славянства, — по замечанию того же ученого исследователя, — существовала обширная общая литература и общий литературно-церковный

язык. Язык создавал свои местные, национальные модификации, но вместе с тем он все время как бы обращался вспять — к своим традиционным древнеболгарским формам и лексическому составу" (17:226).

Одновременно широким потоком вливалась византийская церковная литература, в связи с чем возникла переводческая школа. Инициатива создания ее принадлежала Киевскому князю Ярославу Владимировичу, по праву прозванному "Мудрым". В его княжение составила та библиотека, которая при его сыне и преемнике Святославе послужила основой создания двух замечательных сборников, хорошо известных как "Изборники" Святослава 1073 г. и 1076 г. Первый из них, наряду с материалом по предметам естественным и историческим, содержит немало и материала богословского, учительного. Основная тема второго "Изборника" 1076 г. — как должно жить христианину. Составитель его — русский писец "грешный Иоанн" — подобрал из обширной переводной литературы ряд поучений, трактующих правила поведения истинного христианина. О тех же правилах говорится и в "Измарагде", хотя и созданном значительно позднее (вероятно, в XIV—XV вв.). Подобное встречается и в других сборниках, в состав которых входят и переводные и отечественные сочинения. Это: "Евангелие учительное", "Златоустники", "Златоструи", "Торжественники", "Маргариты", "Златая цепь", "Пчела", "Физиолог", "Стословец" св. Геннадия (самый древнейший у нас "начальный" катихизис), "Пандекты" и "Тактикон" инока Никона Черногорца... Данные сборники — своеобразные энциклопедические книги — в течение всего средневековья пользовались на Руси большой популярностью, часто переписывались, дополнялись или сокращались, переосмысливались. Появился и целый ряд отдельных творений оригинальных русских церковных писателей. Одним словом, памятников церковной литературы (и близко к ней стоящей) немало. И сегодня, когда Русская Православная Церковь стала громче свидетельствовать о своей исконной святой православной вере, долг православного русского человека оглянуться назад на своих добрых предков, на их христианский подвиг, на их великие творения и по ним проверить свой нравственный компас.

Главное достоинство памятников русской церковной литературы — их неувядаемое высокое православное нравственное начало. Благодаря сему содержание их приковывало внимание — а с ним воздействовало и на жизнь — человека на протяжении всех веков. Оно не устарело, не обесценилось и не стало лишним или ненужным и сегодня. Таким оно останется и вовеки, ибо оно, внутренне преобразуя человека, возвышает его горé.

* * *

Начинается преобразование человека с веры в Бога. Бог есть высшая Чистота, Добро, Благо, и верующий в Него должен, как образ Божий, уподобляться Первообразу. "Братие, — учит архиепископ Новгородский Лука (Жидята), — первое всего сию заповедь известно (твердо) должны есмы вси крестяне держати: веровати в един Бог в Троици славим" (1:14). Вера есть необходимейший и важнейший признак христианина. "Что есть знамение съвършенного христианина?" — спрашивается в "Изборнике" Святослава 1073 г. и дается ответ: — "Вера права и дела благочтивая" (3:40—41).

С верой пребывают и а д е ж д а и л ю б о в ь, по апостольскому слову: "А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь" (1 Кор. 13, 13).

Уповающий на Господа "достоинее изо всех скорбящих". Как гора Сион, он "не подвигнется вовеки" (инок Фома, 9:309). Пред ним Господь пошлет хранителя — "ангела Своего" (10:385). Христианину не подобает возлагать надежду на серебро и золото, а не "на все дающего Бога" (*старец Филофей*, 10:437, 439), или просить во что бы то ни стало исполнения его воли, а не Божией, устрояющей все на пользу нам, "ихже мы плотнии не вемы" ("Стословец", 3:8). "Лучше уповать на Господа... ведает Господь, как пропитать

Свою тварь, как оборонять и спасти бедных" (блж. Николай Святоша, 22:163). Лучше предать себя в волю Божию, ибо "если Бог кому не благоволит, то не сможет человек исполнить своего замысла" (Хронограф 1512 г., 10:383). Не должно впадать в уныние, а тем более в отчаяние, даже тогда, когда совершен какой-либо грех, ибо милость Господня велика: Он помогает человеку очиститься, стать на путь добра, милует его (св. Кирилл Туровский, 1:119). "Согрешили мы, Господи, согрешили перед небом и перед Тобой", — каляясь, молились православные люди в день печали, но не теряли надежды: "Ты, Владыка, не хочешь погубить творение рук Твоих и не жаждешь погибели людской, но хочешь, чтобы все спаслись и обратились к истине. Поэтому-то и мы, недостойные, будучи созданием и творением Твоего Божества, не теряем надежды на свое спасение и, уповая на Твое беспредельное милосердие, припадаем к Тебе, и следуем за Тобой, всем сердцем молим и жаждем ("ищем") милости Твоей. Пощади, Господи, пощади" (9:247). Преподобный Сергей Радонежский, наставляя братию надеяться на Бога, учил: "Зачем скорбите, братья? Зачем смущаетесь? Уповайте на Бога; ведь написано: "Посмотрите на древние роды и увидите: кто уповал на Бога — был постыжен когда-либо? Или кто верил в Господа — посрамлен был? Или кто пребывал в страхе Его — и оставлен был? Или кто призвал Его — и не был услышан и презрен был Им?" Ведь Господь говорит: "Не Я ли есть податель пищи"... Ни о чем бесполезном не нужно заботиться, но следует уповать и взирать на Бога" ("Житие", 8:345, 351; см. также: "Поучение Феодора Студита о том, еже не отчятися своих ради грехов Божия милости", 2:79—80; "Повесть о Тимофее Владимирском" — священнике, впадшем в великий грех, 10:59—67).

Как пример надежды на Бога в Житии преподобного Феодосия Печерского приводится следующий случай. Подошел праздник Успения Божией Матери, а для лампад не хватило деревянного масла. Преподобный сначала распорядился было добыть масло из льняного семени, но когда увидел, что это Богу не угодно, стал молиться и велел то же делать и братии. И вечером того же дня один паломник "принес в монастырь огромную корчагу, полную деревянного масла". Видя это, блаженный прославил Бога, "так скоро внявшего их молитвам" (13:125).

"Конец же всем прежереченым: возлюбиши Господа от всея душа" ("Стословец", 3:16). Любовь к Богу и вообще любовь христианская в ее существе, проявлениях — главная тема всех поучений Пролога. Любовь к Богу очищает сердце христианина, просветляет разум, прокладывает и указывает верный путь и к людям. "Посемь възлюби Господа Бога своего от всея душа своя, и от всея крепости, и подвигни вся твоя дела и обычая правы к Его угождению творити", — зовет "Стословец" (3:3). Как бы ответом на этот призыв служат слова блаженного Моисея Угрина: "Никакое томление, ни огонь, ни меч, ни раны не могут отлучить меня от Бога и от великого ангельского образа" (22:200).

Любовь к Богу есть и любовь к Божией Матери. Истинно-христианина без любви к Ней, без почитания Ее — Честнейшей херувимов и Славнейшей серафимов — представить трудно. На Руси любовь к Божией Матери всегда была великой. К Ней, как скорой Помощнице и усердной Заступнице, прежде всего прибегал русский человек. В скорби он взывал к Ней: "Пречистая Матерь Христа Бога нашего, не оставь меня в печали этой" (22:273). В радости, "почитая и славя Пресвятую Богородицу, Молитвенницу и Заступницу нашу", с благоговением пел: "О Тебе радуется, Обрадованная, всякая тварь" ("Повесть о Тимофее Владимирском", 10:61; см. также: "О преставлении блаженной Ольги", 11:285; срав. 9:221).

Стремление к Небу, любовь к нему вызывает желание быть в постоянном общении с миром горним, возбуждает молитву. Молитва — это душевная пища, начало "всему добру" (св. Иоанн Златоуст, 2:98) и сама "великая добродетель" ("Златоустник", 3:269). Молящийся "с Богом беседует" (2:99).

Молитва есть и лучшее средство к распознаванию духовного состояния человека. Поэтому-то Киево-Печерский подвижник преподобный Феодор всякого приходящего к нему "заставлял сначала помолиться" и только после этого начинал с ним беседу (22:212).

Совершать молитву должно как можно чаще. Если христианин редко вспоминает Бога, редко обращается к Нему, то начинает больше думать и вспоминать греховное ("Наставление отца сыну", 8:499). В "Физиологе" любящий молитву сравнивается с чадолюбивыми аистами, которые по очереди, но непрерывно то приносят корм птенцам, то сторожат их. "Так и ты, человек, ни вечером, ни утром не забывай молиться... И никогда не одолеет тебя дьявол" (7:483). Если возможно, то не надо пропускать и ночи без молитвы. "Поклонитесь до земли,— читаем в "Поучении" Владимира Мономаха,— если вам занежится, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим избавляется" (14:42). Автор Жития преподобного Иосифа Волоцкого епископ Савва так описывает молитвенный подвиг перво-насельников Иосифова монастыря: "Молитва Иисусова беспрестани из уст (их) исходяще, и к всякому пению к началу спешаще... в нощи на молитве стояща, и во дни на дела спешаща" (2:162). Чтобы при всяком деле пребыть в молитве, рекомендовалось: "Господи, помилуй" зывайте беспрестанно втайне" (14:42). Важна не столько длительность молитвы, сколько постоянное молитвенное настроение. "Не долги простирай словеса, молись часто... Аще ли в долготу прострещи слово, ослабеши и многу вдаси на себе власть диаволу приити и заняти и извести из ума глаголема; да аще ли часто и помалу твориши молитвы, возможеши целомудрствовати без пакости" ("Златоустник", 3:269). Молитесь можно всегда и везде ("и на коне едучи", 14:42), но "токмо от всея души", и Бог "везде послушает" (3:269, 270).

Не получив просимое, не должно оставлять молитвы, ибо, может быть, молитва не была достаточно усердной и пламенной, а может быть, ради блага человека Господь медлит исполнить его волю. "Не отступай убо, но со страхом молися, да приимеши согрешениям отпущение. Аще и неси приял от Бога благодать, то проси, да приимеши; мнози бо человецы... не ведят, что глаголаша; устне бо движатся, а уши не слышат. Аще убо ты не слышиши молитвы твоя, то Богу ли велиши слышати сих?.. Егда же найдут на ны злые помыслы, то со тщанием и трезвою мыслию и умом приятным пролием молитву свою пред Богом... Подражайте хананеянке" ("Златоустник", 3:268, 269). "Храни свещу от ветра, молитвы же от лености... Постони аки мытарь" ("Стословец", 3:8).

В церковной литературе указывается и на то, о чем подобает молиться: "Молися первое о очищении страстей, второе — о избавлении неразумия и третье — от всякия напасти и о оставлении грехов. Единыя проси в молитве твоей правды и царства, рекше, добронравия и разумения, и ина вся приложатся тебе" ("Слово о покорении", 4:106). Утром, увидев солнце, христианин пусть спешит воздать с радостью хвалу Богу и сказать: "Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет Твой прекрасный". И еще: "Господи, правь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах покаявшись, исправил жизнь свою" ("Поучение" Владимира Мономаха, 14:43—44). Также: "Владыка мой, Господь Вседержитель, благо дарующий, Отец Господа нашего Иисуса Христа! Приди на помощь мне и просвети сердце мое, дабы уразумел я заповеди Твои" (Рассказ о кончине преп. Пафнутия Боровского, 9:479). Молитва светла, когда в ней нет "земных примесей" ("Стословец", 3:8).

Неумеющим молиться рекомендуется следующее правило: "Святыи Боже — трижды; Пресвятая Троице; Отче наш; Господи, помилуй нас" ("Златая цепь", 3:27).

"Домострой" заповедует неукоснительно также совершать дома семейную молитву "мужу с женой, и с детьми, и с домочадцами" — "всякий день вечером", утром и "в полночь тайком" (11:81, 83).

Особо высоко ставилась молитва в храме, и потому православный христианин призывался любить храм Божий и как можно чаще посещать его. О праведной Юлиании (Иулиании) Лазаревской рассказывается, что в одну из студеных зим она некоторое время не ходила в церковь, а молилась дома. И местному священнику в видении Божия Матерь повелела: "Иди и рцы милостивою вдове Иулиании, ради чего не приходит в церковь: и домовная ее молитва приятна, но церковная выше" (23:275). Храм — это "спасительное пристанище" для верных, ангельское место, "Престол Божий, самое небо" ("Измарагд", 3:67, 49). Святой Кирилл Туровский, обращаясь к содержанию церковного богослужения, напоминал прихожанам о "вечном смысле" происходящего, о спасительном значении священного круга христианских праздников в течение года. Он звал верующих проникнуться важностью богослужения, воспарить умом и сердцем над всем земным и взглянуть на все совершающееся в храме как на Божие действие, существующее ныне и всегда (см. 6:16). В "Измарагде" ("Слово о некоем двою соседу шевцо") рассказывается о двух соседях. Один из них ходил в храм "по вся дни" и имел все необходимое для жизни: "вся о Бозе кормяше от ремьства своего". Другой не посещал дом Божий и, хотя "хытр сы велми", обнищал. Завидя своему соседу, он спросил, откуда у него достаток. Тот ответил: "Обретаю, брате, на пути злато, ходящи к церкви". Обнищавший поверил и стал вместе с соседом ходить в храм. "И благослови их Бог и обогате, и много хваляше советника своего, славя Христа Бога". Рассказ завершается выводом: "Не ложь есть Господне слово, иже рече: "Первее ищите Царствия Небесного, и си вся приложатся вам" (Лк. 12, 31)" (3:267). "Пребывай присно в храме Божии, глаголет бо: прославляющего Мя прославлю" (св. Стефан, 2:78).

В храм должно приходиться примиренным, оставив за его порогом все суетное, греховное. "В церковь вниди,— заповедуют святые отцы,— гнева не имей ни на кого" ("Измарагд", 3:64). "Велико бо зло есть, еже ити ко церкви, имуще на кого злобу, молитися лжею глаголюще в молитве: "Отче наш, остави нам долги наша" (св. Афанасий Синайский, "Измарагд", 3:77). Непростившим своему брату "Златоструй" указывает: "Вне (храма) им стояти, дондеже ся останут и того покають ся зла" (3:266).

Стоять в храме за богослужением подобает со страхом и молиться "в тишине" ("Домострой", 11:83); в молчании слушать божественные словеса (3:64), вспоминать и раскаиваться в своих грехах ("о чужих не глаголи" — "Измарагд", 3:67), не рассматривать что-либо по сторонам, а тем более "не оглядываться, разве что очень нужно" ("Домострой", 11:161). Тот, кто без страха беседует в храме, забывает Господа ("Измарагд", 3:50), губит мзду свою. "От сего разумеите: егда станут пред земным царем, то никто же смеет рещи простого слова, ни очима инамо зрети и осязати... Не паче ли подобает сугубь с страхом и трепетом Бога почтити" ("Златая цепь", 3:186—187). Тот же, кто, придя в храм, стоит с верой и страхом Божиим, "восприимет отпущение грехов и милость Божию" (св. Иоанн Златоуст, 4:119).

Раньше окончания службы, особенно во время важнейших моментов, не следует уходить из храма. В Патерике по этому поводу приводится поучительный пример. Один богобоязненный муж по причине сильного голода отдал своего сына вельможе. Прощаясь с сыном, он сказал: "Чадо мое! Вот что завещаю тебе: когда идет служба в святой церкви, не посмей покинуть ее, пока не окончится". Сын строго выполнял завет отца. По прошествии некоторого времени он стал свидетелем греха своей госпожи. Последняя, опасаясь огласки, оклеветала юношу перед мужем, выдав его за опасного человека. Муж, поверив ей, отправил юношу к палачу, предварительно сообщив палачу: "Кого пришло к тебе с полотнцем, тому отруби голову и отдай ее тому, кто придет к тебе вслед за ним". Но, проходя возле храма, юноша зашел в него и оставался до конца службы. Госпожа, потеряв во гневе терпение, поторопила послать к палачу виновного. Увидев в храме юношу, он

сказал ему, что идет к палачу. Тогда юноша, не смеявший нарушить завет отца, попросил шедшего отнести полотенце. Когда же после окончания богослужения он пришел к палачу, тот передал ему завернутую в полотенце голову виновного, велел отнести ее своему господину. "Об этом, братья и сестры, услышав,— заканчивает Патерик,— не покидайте церкви прежде окончания службы, а особенно во время литургии, и будете избавлены от беды и благополучно проживете" (11:59, 61).

Тем же, которые вовсе не ходят в храм Божий, определяется суровая участь. В апокрифе "Хождение Богородицы по мукам" представлено расстилающееся огненное облако, на котором стоят раскаленные скамьи, а на них лежат мужи и жены. Объяснение дается такое: "Это те, кто в святое воскресение не встают на заутреню, ленятся и лежат, как мертвые, за это они мучаются" (6:173).

Церковная литература настойчиво зовет неукоснительно посещать Божьи храмы: "Не ленитесь к церкви ходити, и на заутреню, и на обедню, и на вечерню" (*архиепископ Новгородский Лука* (Жидята), 1:14). "Когда церковь Божия зовет на молитву, оставив дело земное кое-либо, и иди со тщанием на душевную пищу, аки Петр и Иоанн к гробу Господню" ("Стословец", 3:13; см. также 1:28—29).

Так как храмы занимали важное место в духовной жизни, то для православного человека было весьма тяжело видеть их уничтожение иноплемениками. Страницы, описывающие осквернение и разорение православных русских святынь, наполнены глубокой скорбью. "И жгли варвары честные монастыри,— говорится в "Казанской истории",— святые же церкви оскверняли присутствием своим, ложась в них спать... и, раскалывая секирами честные святые образы, предавали их огню — всеядцу; и святые служебные сосуды в простую посуду превращали: дома, на пирах своих, ели и пили из них... и снимали честные кресты, серебряные, и золотые, и обдирая оклады с икон, переливали все это на серебряники и золотые и делали женам и дочерям своим серьги, ожерелья и мониста, а свои головы украшали тафиями и из священнических риз шили себе одежду... О жестокие сердца! О каменные утробы их!.. О Царь Христос, великое Твое терпение!" (11:367, 369).

Тянулись православные русские люди и в монастыри к подвигу молитвы. В Житии преподобного Феодосия Печерского рассказывается, что в юности он несколько раз пытался бежать из отцовского дома, ревнуя о высшей духовной жизни, пока наконец не обрел место подвигов у преподобного Антония. "Вот твое место, оставайся здесь!" — сказал ему Преподобный, указуя на пещеру (13:103). А епископ Владимирский Симон, когда-то подвизавшийся в Киево-Печерском монастыре, до конца дней сохранил величайшую любовь к обители и желание вернуться в нее. Печерскому иноку Поликарпу он писал: "Я бы рад был оставить свою епископию и служить игумену в том святом Печерском монастыре. И говорю я это, брат мой, не для того, чтобы величать самого себя, а чтобы только возвестить тебе об этом. Святительства нашего власть ты сам знаешь. Кто не знает меня, грешного епископа Симона, и этой соборной церкви, красы Владимира, и другой суздальской церкви, которую я сам создал? Сколько они имеют городов и сел! И десятину собирают на них по всей земле той. И всем этим владеет наше смирение. А между тем все это оставил бы я... всю эту славу и честь за ничто вмнил бы, лишь бы колом ("трескою") торчать за воротами, вальтась сором в Печерском монастыре... Больше желал бы я провести один день в дому Божией Матери, чем жить тысячу лет в селениях грешников" (13:293).

То же желание молитвенного подвига влекло православного русского человека в места священных воспоминаний — в святые места. Возвращаясь на родину, паломники оставляли описание своих "хождений". Так, Стефан Новгородец, посетив в Константинополе величественный храм св. Софии, где согласно преданию послы св. князя Владимира были изумлены

торжественностью восточного богослужения, писал в своем "Хождении": "И мы, грешные, ходили здесь, плача и радуясь, и, по силе своей, жертвовали свечи, и ставили их у мощей святых... А о святой Премудрости Божией ум человеческий не в силах все рассказать и перечислить, а мы, что видели, про то и написали... И оттуда, во вторник, пошли мы к выходной ("выходней") иконе Святой Богородицы. Эту икону Лука евангелист написал, смотря на Саму Госпожу нашу Богородицу-Деву, когда Она еще жива была" (8:33).

Подобные паломничества могли совершаться и во исполнение данного обета. Православный русский человек знал: "Аще что обещаеши Господеви Богу, принеси скоро и не замедли" ("Слово об обетах", 4:156).

В самовоспитании "нового человека, созданного по Богу" (Еф. 4, 24), важнейшее место занимает с м и р е н и е, сознание своих слабостей, немощей. "Мы что такое, люди грешные и худые?" — спрашивается в "Повести временных лет" и отвечается: "Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты. Другие собранное нами разделят" (22:126). Однако смирение не есть отрицание достоинств человека. Смиранный христианин во имя добра и для добра пойдет на самый великий подвиг, на самопожертвование, на ограничение своих личных интересов и даже на полный отказ от них, но не позволит распродаваться его силами злу. Христианское смирение есть духовная высота. "Иде же смиренномудрия глубина, тамо и сокровенное сокровище премудрости", — свидетельствует преподобный Максим Грек (28:104). "Чадо, — наставляет отец сына, — буди понижен главою, высок же умом, а очи имей к земли, умни же очи — к небеси, уста молчаща, а сердцем к Богу (выну) вопиюща" ("Златая цепь", 3:33). Великие подвижники имели величайшее смирение, но не ими управлял грешный мир, а они им. Вокруг них, как вокруг многих солнц, распространилось тепло и добро, всё нравственно преображалось. "Смиранный и добродетельный в мире удивителен", — читаем в Житии Юлиании Лазаревской (23:269). "Как в огне очищается золото, так люди в горниле смирения" (Киево-Печерский Патерик, 6:607).

Русская церковная литература неоднократно внушает христианское смирение человеку. В Житии преподобного Феодосия повествуется, что этот святой "смиранныо отвечал" своей матери, противившейся его подвижничеству: "Послушай, о матери, моллю тебя, послушай! Ведь сам Господь Иисус Христос подал нам пример унижения и смирения. Да и мы, во имя Его, должны смириться" (13:99). И братию учил он "не превозноситься ничем, но быть смиренными и не гордиться... Проходя один мимо другого, со смирением кланяться друг другу, как прилично монаху" (1:29). Также и св. Кирилл Туровский призывал стяжать "смирение и любовь ко всем: то бо очищает душу и тело и ангелом равны стваряет и на небо возводит" (1:175). А преподобный Нил Сорский в таких словах раскрыл свое внутреннее устройство: "Я стараюсь, насколько в моих силах, не быть сподобленным чести и славы века сего никакой — как в жизни этой, так и по смерти моей" (10:323). Это смирение в земной жизни привело преподобного Нила к славе в вечной жизни. "Смиримся убо и мы и прославимся. Аще бо не смирится кто, не может ктому прославиться" ("Златая цепь", 3:192).

Со смирением неразрывна к р о т о с т ь — доброе расположение духа, когда человек никого не раздражает и сам не раздражается. Кроткий и братолюбивый уподобляется Богу ("Диоптра", 10:97). Поэтому заповедуется: "Кроток буди ко всякому человеку, и к старейшим тебе и к меньшим" ("Словеса", 3:5).

В Прологах, как правило, вслед за смиренным и кротостью указывается терпение (см. 2:XXIII). "Терпение нужно вам, — учит Преподобный Сергей Радонежский, — терпением спасайте души ваши; претерпевший же до конца спасется" (8:345). "Сколько можешь терпеть — терпи, а грубого слова не изрекай" ("Повесть об Акире Премудром", 6:251). Возрастающему в тер-

пени должно оставить все гордые мысли, взирать на образ Христа, Ему следовать. Стяжавший и сохранивший терпение "в бурях и волнениях этого мира" будет "много блаженнее" (Ф. И. Карпов, 10:515).

Терпение учит переносить трудности. Общий взгляд русской церковной литературы на трудности, бедствия в жизни таков: они посылаются или попускаются Богом или для наказания за грехи, или для вразумления, очищения, исправления, укрепления в добре. Во всех случаях они имеют промыслительное значение и должны быть перенесены и побеждены христианами стойко и смиренно, мужественно и с осознанием необходимости покаяния, исправления.

Епископ Владимирский Серапион, обличая свою паству за маловерие, напоминает ей, что влекут за собой грехи и какой видится выход: "Слыхали о Божьих вы казнях: в древние времена... содомляне огнем сожжены, при фараоне — десять египетских казней, при Ханаане раскаленные камни с небес напустил, при судьях войны навел, при Давиде — мор на людей, при Тите — плен на Иерусалим, а затем землетрясение и разрушение града. И в наше время какого еще мы не видели зла? Многие беды, и скорби, и войны, и голод, от неверных насилья... С мольбой говорю: раскаемся все мы сердечно... Ведь знаю я и вам говорю, что за грехи все эти несчастья творятся. Придите ж со мной и покайтесь, и вместе умолим мы Бога" (7:453, 455; срав. 22:269).

Иногда посылаются испытания для вразумления, чтобы человек взглянул на свои поступки, задумался над прожитым. Преподобный Иосиф Волоцкий, ссылаясь на св. Афанасия, пишет, что даже смерть детей бывает "ради вразумления их родителей по Божьему Промыслу, чтобы родители, увидев это, устарились и, опечалившись, вразумились" (10:351).

Чаще Господь посылает трудности любящим Его для их большего духовного роста. "Его же любит Господь, того и наказует" (св. Иоанн Златоуст, 3:86—88; срав. 4:127—128). "Лучше мне здесь пострадать,— размышляет многострадальный Пимен,— чтобы там обрести вечное здоровье. Апостол говорит к страждущим телесными болезнями: "Если вы наказание терпите, то Бог поступает с вами, как с сынами. Если же остаетесь без наказания, то вы незаконные дети, а не сыны"" (22:225). Безгорестная жизнь, по мысли преподобного Максима Грека, уподобляется пространному пути, ведущему к гибели, а трудная жизнь — тесному пути, приводящему к Богу (28:107). Разумный человек, "аще ему случится беда, вспоминая грехи, кается и Богу молится о них" (св. Иоанн Златоуст, 4:129). Праведные Иовы были не только в Ветхом Завете. Они были и потом. "Ты (Плакида.— К. С.) будешь вторым Иовом в несчастьях. Опасайся, чтобы хула не вошла в твое сердце" ("Сказание об Евстафии Плакиде", 6:231). А рязанцы так говорили перед смертным сражением с полчищами Батыя: "Если из рук Господних благое приняли, то и злое не потерпим ли? Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть". И ни один из рязанцев "не повернул вспять" ("Повесть о разорении Рязани", 22:268, 269).

Важное место в духовной жизни христианина занимает также пост.

В церковных сборниках Древней Руси имеется немало поучений, раскрывающих на основании Священного Писания и святоотеческих творений необходимость поста, спасительность, а также и то, в чем состоит истинный пост, как его проводить. Обильным источником для данных поучений послужили творения св. Иоанна Златоуста, св. Василия Великого, преподобного Феодора Студита. Поучения последнего явились образцом для проповедей преподобного Феодосия Печерского. Следует отметить и труды инока Никона Черногорца, подвизавшегося в XI столетии на одной из гор возле Антиохии,— "Пандекты" ("Книги все содержания") и "Тактикон" (наставления касательно праздников, постов и др. в виде посланий к разным лицам).

Пост заповедан был еще в раю. "Кто же чистее Адама, но и того Бог не лишил поста, еже бо рече от всякаго древа сущаго ясте в раи, от древа же,

еже ведети добро и зло, да не ясте... И се есть образ поста" (св. Иоанн Златоуст, 2:124). Если пост был в раю, то тем более он обязателен вне его. "Первее постися Енох, и взят бысть на небеса с плотью". После него постились: Ной — "и от вселенского потопа спасен бысть", Авраам — "и друг Божий наречеся", Моисей — и "беседова к Богу лицом к лицу" ("Златая цепь", 3:182—183), удостоился "получить закон на горе Синайской", видеть славу Божию (ПВЛ, 22:94), пророк Илья — "и дождь жаждущим людем испросил у Богу; и Даниил пророк постом лвы укроти" ("Златая цепь", 3:183); "постясь, трое отроков погасили силу огненную" (ПВЛ, 22:94). И в Новом Завете многие "освятишася постом и спасошася, иже имен ни всего мира книги не испишут, единому Богу сведущу Своя угодники" ("Златая цепь", 3:183). Сам Господь наш Иисус Христос постился сорок дней, "не требуя пощенья, но нам образ дая" ("Златая цепь", 3:178), "показав нам время поста" (ПВЛ, 22:94). По словам преподобного Феодосия Печерского, Бог дал христианам сорок дней для очищения души — эту своего рода десятилетку от года: "и в эти дни очистившись, душа празднует светло день воскресения Господня, радуясь Богу" (ПВЛ, 22:94).

Постясь, нельзя уподобляться лицемерам, "человеком являюще бледы, дряхли, сетующеся, да от человек славятся", а быть со светлым лицом и добрым сердцем ("Златая цепь", 3:178). Пост состоит не только в воздержании от обильной пищи, но и вообще в трезвенном образе жизни. Преподобный Феодосий Печерский перед наступлением Великого поста учил: "Остерегайтесь лености и многого сна, бодрствуйте для церковного пения и для усвоения предания отеческого и чтения книжного; больше же всего подбавляет... иметь на устах псалмы Давидовы... в себе любви ко всем меньшим и к старшим покорность и послушание... давать собою пример воздержания, бдения, трудолюбия и смирения; так учить меньших и утешать их и так проводить пост" (22:94). "Мнят бо пост — брашна удаление, — читаем в "Слове о посте", — той бо пост да укоряется. Но воздержай руки от граблений, ноги от ристания, еже на позоры; очи от взора красна... Слуха стяжи не приимати осуждения и лжи, слышания суетна не приеми. Да постятся уста твоя от осуждения; ничто же бо есть еже не ясти мяс или рыб, снадати же плоти братьий оклеветанием" (4:144; срав. 3:177). Таким образом истинный пост охватывает всего человека — и тело и душу. В "Слове от святого Евангелия" говорится: "Телеснии греси инаци и душевнии инаци, такоже и пост инак душевный, а инак телесный... Телесный пост постившеся таже ясти, а душевнаго поста николиже престати" (3:236). "Предай же тело на пост... сердце на крепость" ("Стословец", 3:7; срав. "Златая цепь", 3:56).

Хотя пост должен быть соблюдаем неукоснительно, но недопустимо нести его сверх силы. "Не нужно бо вас никого же через силу держати пост, — говорит св. Иоанн Златоуст, — но яко же кто может по силе, токмо в слабость себе не дадите" (3:184).

Полезь от поста велика. Он очищает душу, просвещает тело, возводит на небо, "ангелам равна творит, и к Богу приближает, и в рай святой вводит" ("Златая цепь", 3:178; срав. 22:94). В соединении с молитвой он побеждает зло, избавляет от духовной смерти, стяжает "богатство добродетель" (св. Иоанн Златоуст, 3:273).

Предки наши высоко ставили пост и скорбели, когда вынуждены были его нарушать. Тверской купец Афанасий Никитин, совершивший в конце 60-х годов XV в. путешествия в Персию и Индию, писал в своем "Хождении за три моря": "О благоверные христиане, кто по многим землям много плавает, то во многие грехи впадает и лишает себя христианской веры. Я же, рабиче Божий Афанасий, исстрадался по вере: уже прошли четыре великих заговенья и четыре великих дня (т. е. четыре Пасхи. — К. С.), я же, грешный, не знаю, когда великий день или заговенье, не знаю, когда Рождество Христово и другие праздники, не знаю ни среды, ни пятницы" (14:108). О преподобном Иосифе Волоцком сказано: "Бе выну в посте и молитве пре-

бывая, повинуюся во всем наставнику своему" (2:4). А преподобный Пафнутий Боровский "не только в пище, но и во всем келейном устройении довольствовался самым малым" (9:495).

"Будь постник, будь всегда трезв" (*епископ Владимирский Силои*, 22:151), "Пост честный имейте пред Богом" ("О посте", 3:56), "Темже възлюбленнии постимся" (*св. Иоанн Златоуст*, 3:178) — одно за другим встречаем мы призывы в церковной литературе Древней Руси.

Пост соединяется с покаянием. Дни постные Господь положил нам для очищения от грехов, "да елико есмы во лето согрешили, то сими деньми постными да очистимся" ("Златая цепь", 3:173). Не желая гибели людей, Бог дал им покаяние, "да быша вси спаслися" ("Слово святых отец", 3:57).

На "пути Божественном" св. Ефрем отводит первую ступень посту и покаянию (4:108). К самому покаянию, согласно Прологу, ведут разные пути. "Мнози путие к покаянию. Первое, еже каятися грехов своих. Второе, еже оставляти ближнему согрешения. Третие, молитва от всего сердца воссылаема. Четвертое, еже милостивно даяти. Пятое, от смирения мудрость" (19 янв., 31:47). Этими путями или подобными им и возвращались к Богу люди. "Имеши ниневитское покаяние. Имаши Давида", апостола Петра, мытаря, блудного сына, блудницу и на кресте разбойника, "во едином часе благоразумным гласом грехи рассыпающа" (Пролог, 2:113; срав. 4:93).

Образ покаяния представляется в евангельском мытаре, который не смел поднять даже глаза на небо, но ударял себя в перси, "да подвинет душу на покаяние, сердце на умиление... и глаголаше: Боже, милостив буди мне! Боже, очисти мя, грешнаго, и помилуй мя!" ("Златая цепь", 3:169—170). Складывается покаяние из исповедания грехов ("Исповеданием бо струпии душевни исцеляются", *св. Иоанн Златоуст*, 2:87), плача о прощении их ("Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал Ты, так и нас, грешных, помилуй", *Владимир Мономах*, 14:42), заглаждения их делом ("Аще хочещи истинное покаяние прияти, то яви делом: аще гордости каешися, покажи смирение, аще ли пьянства, то покажи пост, аще ли любодееяние, то покажи чистоту, "уклонибося от зла и сотвори добро" (Пс. 33, 15)" ("Стословец", 3:14).

В литературе сохранилось и свидетельство от XV в. того, с какой покаянной молитвой мог обращаться к Богу православный русский человек: "Горе мне, океянному, с пути истинного сбился и не знаю уже, по какому пути пойду. Господи, Боже Вседержитель, Творец неба и земли! Не отврати лица от рабища Твоего, ибо в скорби пребываю, Господи! Призри меня и помилуй меня, ибо я создание Твое; не дай, Господи, свернуть меня с пути истинного, наставь меня, Господи, на путь правый, ибо в нужде не был я добродетелен перед Тобой, Господи Боже мой, все дни свои во зле прожил... На Тебя уповал, спаси меня" ("Хождение..." *Афанасия Никитина*, 9:467).

Раскаившись, нужно стараться не повторять грех, да не будет "горшее". Якоже кто умывался от мертвеца и паки прикасаяся ему, что успеет во умывании своем? Также и каяйся грехов своих и паки тожде творя, что успеет в покаянии своем, возвращаяся от правды на грех? Как ли молитва его услышана будет пред Богом? Но Господь уготовает нань гнев Свой, яко же бо многа милость Его, тако многа и прещения Его" (*св. Григорий Черноризец*, 2:85).

Истинное покаяние приводит к прощению величайших грехов. В литературе показателем сего служит своеобразная повесть XVII в. о Савве Грудцыне, напоминающая собой фаустовскую тему продажи души злой силе. Савва дает этой силе "рукописание" и затем с ее помощью совершает "героические" поступки. Но при смерти его охватил ужас. Он слезно кается, дает обет стать иноком — и Божия Матерь его прощает: "богоотметное писание" было "заглажено" (18:340). В "Физиологе" рассказывается о ласточке, которая, когда ослепнет ее птенец, приносит лечебную траву и кладет на его очи, и тот прозревает. "Так и ты, человек, когда согресиши, то обратись к мо-

литве и прими покаяние, и ради Единосущной Троицы ты избавишься от того греха" (7:479).

В церковной литературе призывов к покаянию много: "Душа моя, душа моя, зачем во грехах обретаешься... Восстань... и плачь о делах своих горько" ("Стихи покаянные", 12:553). "Да не ленимся по вся дни, молящися Ему за вся грехи, еже есмы сотворили" (Пролог, 4:79). "Потщися покаяться и спасешися. Готов Бог на милость и на исцеление" (св. *Ефрем*, 4:93; срав. 4:97—98).

Покаяние предшествует величайшему Таинству — Святому Причащению. Верные "поновляются" "крещением, покаянием и причащением" ("Измарагд", 3:110).

Совершать Таинство Святого Причащения научил Сам Господь. "Взгляни,— пишет старец Филофей,— как испил вино, с водой смешав... Да и ты пойми, Господа ради, что тридцать лет Своей жизни каждый год ел Спаситель ветхозаветную пасху и никогда не сказал: "С желанием Я возжелал есть пасху эту", и только об этой новой и благодатной Вечери Тайной, на которой устроил Он смотрение нашему спасению" (10:453).

К Святому Причащению приступать должно приготовившись. "Кто свят,— рассуждает св. Иоанн Дамаскин,— да приступает. Не просто рече: чист, но свят... Тем же и священник провозглашает, глаголя: святая святым" (4:135). Приготовление служит говенью. "Аще Петрово говенье будет или Филиппово, то в понедельник рыбы не ясти, и в среду, и в пяток, но хлеб со овощем... А поклонов в великое говенье 50 на заутрени... Господи, помилуй, по 50" ("Слово святых отец", 3:59). У православных русских людей был обычай говеть всю первую неделю Великого поста. В пятницу вечером они исповедовались пред духовным отцом, в субботу же принимали "святое Тело и Кровь Христа, Бога нашего" (10:59). А у преподобного Пафнутия Боровского, когда он хотел причаститься, было правило, строго соблюдавшееся им много лет: всю неделю пребывать в молчании, не говорить ни с мирянами, ни с братией, ни "с живущим с ним в келье" "даже о необходимых делах" (9:489). Следуя святоотеческим наставлениям, старец считал, что всякому "если и великая нужда будет, все равно три дня следует поститься ради причащения Святых Тайн" (9:489). Особенно требовалось отвергнуть "всякую злобу, зависть, клевету, всенеподобное деянье" ("Слово на Пятидесятницу", 1:174). Иначе, принимающие Святые Тайны, не очистившись, становятся "повинни огневи вечному" (1:174), осуждаются "в муку" (3:59). И после Святого Причащения, придя домой, полагалось воздержно есть и спать, а об упивающихся в этот день сказано: "Погубят мзду" ("Слово святых отец", 3:58, 59).

Из церковной литературы следует, что в исключительных случаях Святые Тайны давались с собой. О св. князе Черниговском Михаиле и его болярине Феодоре повествуется, что, приговоренные в Орде к смертной казни, они отпели себя "и, совершив отпевание, приняли Причастие, которое дал им с собою духовный отец их" (7:233, 235). Вероятно, это потому, что всем русским людям было известно, что ожидало в Орде тех, кто не исполнял при дворе хана языческих обрядов. Умереть же без Святого Причащения, как и без покаяния, считалось великим несчастьем. Причаститься перед кончиной считал своим неперменным долгом и великой милостью Божией всякий православный русский человек (см. 9:483, 2:19, 34, 36, 68, 71).

"Очиститесь от грех, и тако приходите ко Святим Тайнам",— учит св. Иоанн Златоуст (2:118). И в другом "Поучении хотящим причаститися Тайн Христовых": "Тако приступим, чистотою просветившися и трезвением украсившися, любовью друг друга преспевающе" (2:123).

Не последнее место в духовном устройении православного русского человека занимал и труд. "Святые отцы,— читаем в Киево-Печерском Патерике,— труд считали великим делом перед Богом" (22:218). Следуя этому святоотеческому указанию, блаженный Алимпий "никогда не давал себе покоя:

ночью упражнялся в пении и молитве, а когда приходил день, принимался за работу; праздным же никогда не видали его". Все заработанное он разделял на три части: одну из них отдавал "на святые иконы, другую на милостыню нищим, а третью на нужды тела своего" (22:218). Подобным образом поступал и преподобный Феодор Пещерник. В пещере своих подвигов он поставил жернова и на всю братию молот пшеницу, проводя в труде дни и ночи. "Так много лет делал он, работая на святую братию" (22:213).

Праздность, по определению преподобного Максима Грека, "губительна" (28:104). Лениость может стать причиной многих зол: "что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится" (*Владимир Мономах*, 14:43; срав. св. *Василий Великий*: "Лениость всем злым делам мати есть. Аще бо что и доброты имаши, то лениость погубляет", 3:92). Святые отцы Церкви утверждают: "Лёжа добра не видати, а горя не избыти... Ленивый в дому не господин, жене не муж и детям не отец, и добрыми людьми не знаем; в деревне жити ленится, а на посаде не годится; в селе его не пустят, а во граде и места несть" (3:93, 94). А кто ленив к делу, "тот и о душе своей не подвизается" (3:93), значит, и "небесных благ не узрит", спасения не получит (3:92, 93). Святые отцы упоминают ленивого вместе с безумным и призывают: "Друзи и братия любимая! Не уподобляйтесь ленивым рабам — не долго спите, не долго лежите, вставайте рано, ложитесь поздно" (3:93). "Аще разленишися, — говорится в Прологе под 13 февраля, — не даждь ясти телу твоему, писано бо есть: "Праздный да не яст" (Фес. 3, 10)" (4:105).

Тому же, кто принимает труды и охотно их несет, помогает Бог: "Делателям бо обещал есть Бог от труда убо здравие, а от страды спасение" (св. *Василий Великий*, 3:92). В "Слове о добродетели" (под 9 октября) труд считается одной из четырех добродетелей (прочие три: пост, молитва и телесная чистота), "прилежащих к спасению человеческому" (2:91). Поэтому труд всегда поощрялся и восхвалялся, особенно в монастырях. В частности, о насельниках монастыря преподобного Иосифа Волоцкого говорится: "Друг пред другом ревнующе... друг пред другом спешаща. И егда кто от них на деле тяжко подоимаше, инии же ему запрещаху, а сами вдвое подоимаху, помышляя, дабы кто от них вяшше трудился" (2:162–163).

"Трудись выну, — учит св. Феодора, — да видит Бог труд твой и послет ти помощь Свою" (3:38). Трудись — и "жив будеши о Бозе" (св. *Стафан*, 2:79).

Физический (и умственный) труд, если он бескорыстен, велик и "ради Бога и ради пользы ближнего", то близок, по справедливому свидетельству архимандрита Гавриила (Динева), к христианскому п о д в и г у (см. материалы "Второй международной научной церковной конференции, посвященной 1000-летию Крещения Руси"). Но христианский подвиг есть не только физический труд. Такой подвиг — понятие широкое, включающее в себя всю аскезу, направленную к духовному росту, к спасению. "Прекрасно для души спастись за подвиги и труды" ("Диоптра", 10:97). Возрастать, подниматься по лестнице духовного совершенствования или, что то же, нести христианский подвиг не легко. "Ведь очень трудно снизу забраться наверх, но сверху спускаться легко, не то, что восходить" ("Стефанит и Ихнилат", 10:157). Зато первое ведет ко спасению, а второе — к духовной гибели. "Тесным путем шествуй всею ногою, — учит преподобный Максим Грек, — да сподобятся ноги твоя стати на просторном небесном отечестве" (28:107).

Подвижничество во имя Христа — это высшая черта спасительного благочестия Древней Руси. В собственном смысле слова подвижники — это люди святые, шедшие "тесным путем" и прошедшие его. Епископ Савва, автор Жития преподобного Иосифа Волоцкого, так пишет о нем и иноках его святой обители: "Вси в лычных обущах (лаптях) и в одежде с заплатами... Сам же преподобный также хождаше... А ин поклоны кладуща, ов три тысящи, а ин седя сна вкушая... Шуб никаких не имея не един... Ястие же всем равно... Бысть же дело их, по наказанию и учению Иосифову, еже с молчанием и молитвою, и не бе в них празднословия никакже" (2:163). А о

Преподобном Сергии Радонежском сказано: "Живя с братьями, многие тяготы терпел и великие подвиги и труды постнической жизни совершал. Суровой постнической жизнью он жил; добродетели его были такие: голод, жажда, бдение, сухая пища, на земле сон, чистота телесная и душевная, молчание уст, плотских желаний тщательное умерщвление, труды телесные, смирение нелицемерное, молитва беспрестанная, рассудок добрый, любовь совершенная, бедность в одежде, память о смерти, кротость с мягкостью, страх Божий постоянный" (8:319).

Для правильного шествия по пути духовного устройства рекомендовалось постоянное, ежедневное чтение Священного Писания и творений святых отцов Церкви. "Словеса бо Евангельская, — учит св. Кирилл Туровский, — пища суть душам нашим, яже Христос многообразно глагола человеческого ради спасения" (1:126). "Читая пророческие беседы и евангельские и апостольские поучения и Жития святых отцов, получаем для души великую пользу, — размышляет преподобный Нестор Летописец. — Кто ведь книги часто читает, тот беседует с Богом или со святыми мужами" (14:19). Чтение священных книг делает душу целомудренной, ум направляет к смирению, сердце — к добру, мысль возводит "на небеса к Божьим заветам", тело укрепляет "к духовным трудам" и отводит "все житейского мира печали" (св. Кирилл Туровский, 6:291; срав. 10:523).

Насколько полезно чтение священных книг, настолько губительно для духовной жизни пренебрежение этим святым занятием. "Многие, — читаем в "Измарагде", — из-за того, что не читают Божественных Писаний, с пути истинного совратились и, заблудшие, погибли" (11:55). "Кто, не имея книг, мудрует, — говорится в чтениях Пролога, — таковой подобен столпу или оплоту без подпор стоящу: еще будет ветер, то падется... Птицам бо того ради криле даны, да сетей человеческих избежат, а человеком книги, яко да всю неприязнену лесь обнажают" (св. Иоанн Златоуст, 4:137).

Из святых отцов Церкви больше других читали на Руси св. Иоанна Златоуста. Его творения появились на Руси в разных переводах со времени ее Крещения и перечитывались во всевозможных сборниках, предназначенных как для церковного употребления (например, Пролог, Торжественники), так и для домашнего. Вслед за св. Иоанном Златоустом любили также читать творения св. Василия Великого, преподобного Феодора Студита и др.

Преподобный Феодосий Печерский сам любил отеческие предания и братию учил быть внимательной к "книжному почитанью" (1:28). О Преподобном Сергии Радонежском говорится в Житии: "Он часто священную книгу читал, чтобы оттуда всякую почерпнуть добродетель, сокровенными мыслями укреплял разум свой для достижения бесценных вечных благ" (8:315). "Если хочешь читать душеспасительные книги, — учит инок Фома, — то читай Жития святых отцов; если хочешь послания читать, то возьми апостольские книги; если хочешь повествований, то читай Книги Царств" (9:301). "Потому и прошу вас, — как бы обобщает св. Кирилл Туровский, — постарайтесь прилежно читать святые книги" (6:291).

Во избежание допущения ошибок при внутреннем делании рекомендовалось также послушание. В связи с этим оно ставилось высоко. В Патерике излагается беседа преподобного Пимена с неким мужем, "зело говейным", в присутствии многих пришедших к старцу. Во время беседы была рассказана следующая притча. Один человек пожелал увидеть царя и обратился с просьбой к приятелям, чтобы они отвели его к нему. Первый приятель довел его до половины пути, второй — до палат, а третий ввел в них и доложил о пришедшем царю. В разъяснении притчи сказано: первый приятель — это пост: он доводит до середины спасительного пути; второй — чистота: она доводит до небес; третий же друг "есть послушание, вводящее со дерзновением к Богу" (4:176—177). В "Домострое" требуется даже от мирян послушание почти монастырское.

Духовно настроиться помогает христианину память смертная.

"Молю вы убо, братие,— взывает Пролог словами св. Иоанна Златоуста,— имейте выну смерть пред очима вашима, о сей бо помышляюще не имате согрешати. Не вемы бо, в кий час придет, еда не обратимся готови и неочищени" (4:114).

Отношение к смерти и сама кончина у христианина должны быть особые.

На смерть православный русский человек смотрел, по свидетельству церковной литературы, как на важнейший последний момент жизни. Кончина его должна быть достойной христианина — христианской кончиной. В "Повести от жития" святых Петра и Февронии Муромских имеется следующая важная деталь. Когда св. князь Петр, принявший иночество и разлученный со св. Февронией, почувствовал приближение своей кончины, то, исполняя данное св. Февронии обещание, послал звать ее умереть вместе. Но св. Феврония ответила, что она должна закончить вышивание воздуха, который она обещала "во храм Пречистыя соборныя церкви", и просила бывшего мужа подождать. И только когда в третий раз св. Петр прислал сказать: "Уже бо хочу преставитися и не жду тебе", св. Феврония, дошив лик святого, воткнула иглу в воздух, "преверте нитию, ею же шияше", сообщила св. Петру, что готова умереть с ним. "И, помолившеся, предаста вкупе святыя своя души в руке Божии месяца июня в 25 день" (13:461—462). Поистине кончина христианская — безболезненная, непостыдная, полная душевного мира!.. О св. Агапите, безмездном враче, Киево-Печерский Патерик повествует, что этот блаженный отошел от земной жизни "по своей воле, Небесного Царства желая". Если бы он захотел, то "мог бы и еще жить" (22:189).

Обращалось внимание на то, что христианину "подобае мольбами и славою Божиею окончивати жизнь свою" ("Измарагд", 3:105—106). Наблюдавший через тайник последние минуты жизни преподобного Феодосия Печерского служивший ему инок видел, как Преподобный склонился ниц, моля милостивого Бога, призывая на помощь всех святых, а более всего Пресвятую Владычицу Богородицу. Преподобный Феодосий молился о себе, о своих духовных чадах, о монастыре. Вдруг он взглянул на небо и радостно воскликнул: "Благословен Бог, что так свершилось: вот уже не страшно мне, но радуюсь я, что отхожу от света сего!" Тайный свидетель заключает: "И можно думать, что сказал он так, увидев явление некое, потому что потом выпрямился, вытянул ноги, и руки крест-накрест сложил на груди, и предал святую душу свою в руки Божьи, и приобщился к святым отцам" (13:143). Св. Юлиания Осоргина, умирая, повелела приготовить кадило и положить в него фимиам, попросилась со всеми, легла, трижды перекрестилась, обвила вокруг руки четки и со словами: "Слава Богу всех ради" предала дух свой Богу, "Его же измлада возлюби" (13:548). Последние дни жизни и христианская кончина подробно описаны в "Рассказе о смерти Пафнутия Боровского" (9:478—513). Уходя из земной жизни, Преподобный непрерывно молился: или сам читал молитвы, или просил читать их своих учеников, "разрешал всем невзбранно входить к нему", у каждого брата просил прощения, у старцев — благословенья, принял Святые Дары (9:481, 483). Когда однажды после вечерни священник начал служить панихиду и братья хотели увести Преподобного в келью, он отказался уходить, сказав: "Я должен более других слушать, потому что мне это нужнее всего, впредь уже не смогу слушать" (9:485).

Испрашивая молитв и благословения у других, по-христиански умиравшие благословляли и остающихся продолжать жизненный путь. "Князь же великий,— читаем в "Повести о болезни и смерти Василия III",— снял с себя крест Петра-чудотворца, и приложил крест к сыну своему, и благословил его крестом, и сказал ему: "Пусть будет на тебе милость Божия и Пречистой Богородицы и благословение Петра-чудотворца... и пусть будет на тебе мое, грешного, благословение, и на твоих детях, и внучатах, из рода в род" (11:37). Оставляли живущим и завещания. Так, Преподобный Сергей Рад-

нежский завещал "неуклонно в Православии оставаться... единомыслие друг с другом хранить, иметь чистоту душевную и телесную и любовь нелицемерную... а особенно смирением украшать себя" (8:403, 205). А преподобный Пафнутий в ответ на просьбу написать завещание со слезами говорил: "Блюдайте сами себя, братья, если чин церковный и монастырские порядки хотите сохранить: церковного пения никогда не оставляйте; свечи возжигайте; священников держите честно, как и я, не лишайте их положенного им; пусть не оскудевают божественные службы — ведь ими все держится; трапезную от странников не затворяйте; о милостыне пекусь; просящего с пустыми руками не отпускайте; бесед с приходящими мирянами избегайте; в рукоделье трудитесь; храните сердце свое с неизменным усердием от лукавых помыслов; по повечернем правиле в разговоры друг с другом не вступайте — пусть каждый в своей келье безмолвствует; от общей молитвы ни по какой причине, кроме болезни, не уклоняйтесь; ведь устав монастырский и правило церковное блюдите со смирением, и покорностью, и молчаливостью, и, по просту сказать, поступайте так, как видите меня поступающим... Живите в чистоте... Со страхом и трепетом спасаясь здесь... И пусть каждый, к чему призван он, в том и пребывает. Выше своих возможностей, братья, на себя не берите — это не только не на пользу, но и во вред душе. Над немощными братьями в мыслях, а более того сказать — в поступках, не возносите, но будьте милосердны к ним, как к собственной плоти своей. Призываю вас, чада, спешите делать добро!" (9:497, 503; см., также: 11:35, 21:317).

Во всем делании внутреннего устройства христианина должно присутствовать благо разумие. "Мудрому подобает, — говорится в одном древнем сочинении, приписываемом св. Иоанну Дамаскину, — когда претерпел зло и добро, рассмотреть, что было причиной, чтобы к добру стремиться, от зла же убегать, а потому рассматривать наличное добро и зло, и будущее... Мудрость больше, чем сила" ("Стефанит и Ихнилат", 10:163, 167). И дальше в том же произведении: "Лучше самого необходимого ничего нет... Не должен мудрый желать ничего другого сверх самого необходимого" (10:199).

Над всем же и во всем духовном устремлении христианина необходим страх Божий. Все делание христианина будет правильным, если он имеет подлинный страх Божий. Еще задолго до Крещения Руси великие святые отцы Церкви учили: "Нет ничего больше страха Божия" (преп. Феодор Студит, 29:461). "Смирennemудрие и страх Божий выше всех добродетелей" (преп. Иоанн Колов, 30:105). "Человеку также необходимо иметь смиренномудрие и страх Божий, как необходимо дышать воздухом" (преп. Пимен Великий, 30:199). Св. Геннадий, Патриарх Константинопольский, свидетельствует, что все "учащие" книги "в две главизне сходят, глаголю убо — Божий страх и еже имети Господа пред очима всегда" (4:109). И у нас на Руси наставляли: "Вот вам основа всему: страх Божий имейте превыше всего" ("Поучение" Владимира Мономаха, 14:43). Это — правильное выражение содержания слова Божия: "Страх Господень — источник жизни", "научает мудрости", "в страхе пред Господом — надежда твердая" (Притч. 14, 27; 15, 33; 14, 26). Разумеется, что речь идет не о рабском страхе или о чем-то враждебном, вредном человеку, а об истинном сыновнем отношении христианина к своему Небесному Отцу, о высочайшем благоговении перед величием Бога и чистотой данного Им нравственного закона, нарушение которого больно для сердца. Господень страх "не велит творити лиха" ("Златая цепь", 3:73). А тот, кто не творит лиха, не может не творить добра. Стяжавшие и хранившие страх Божий спаслись. "Апостоли Господни с мученики страха ради Господня терпяще; в пещерах и в пропастях земных и в пустынях, тако же чающе мзды великого Бога" (3:73—74). Не имеющий страха Божия "спасения будет лишен" ("Наставление отца сыну", 8:499).

В церковной литературе, и особенно в проложных поучениях, настойчиво внушается иметь страх Божий как необходимое условие для всего доброго жителства. В Житиях святых также всегда подчеркивается, что подвижни-

ки спаслись, имея страх Божий. А потому и всякий христианин призывается: "Страх Божий выну в сердце имей, памятуя, яко Бог всегда с тобой, на всяком месте, идеже идеши или седиши" ("Стословец", 3:3; срав. 3:16). "Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем" ("Поучение" Владимира Мономаха, 14:41). "Тем же, чада моя милая, буди вы всем страхом Господним спастися" ("Златая цепь", 3:74; см. также: "Слово св. отца Кирилла о страхе Божии" — "Измарагд", 3:74—75; "Слово св. Ефрема Сирина о страхе и о бесстрастии" — Пролог под 31 мая, 32:458—459).

Человек, достигший со страхом Божиим внутреннего устройства,— это человек п р а в е д н ы й "пред Богом и людьми, и не может согрешить Богу, и еще больше, не хочет, потому что он сосуд Божий и жилище Святого Духа, Которым освящается его душа, и тело, и ум" (Киево-Печерский Патерик, 6:587).

* * *

Как бы обобщая все сказанное о внутреннем устройении христианина, "Златая цепь" говорит: "Се суть душевная дела добрая: кротость, смирение, послушание, доброе чинение, покорение, незлобие, безгневие, милость, любовь, немногословие, покаяние... пост, милостыня, молитва, воздержание от похоти плотския, неленость, бодрость... одежда не изысканная" (3:24). И проложные чтения: "Правда и мудрость... и тихость, и еще в бедах терпение" (4:104), чистота, братолюбие, "не оплетающееся века сего суетами" (2:85), "труды ручнии" (4:108) и прочие добрые дела — "имущие их" входят в Небесное Царство (4:104).

"Бдите и будьте трезвы,— взывает Даниил, Митрополит всея Руси,— и много смирения и воздержания во всем имейте, и никто да не отступит из вас от учения Божественного Писания, но всегда поучайтесь Божественным Писанием, читайте, пойте, молитве прилежно внимайте, рукодельствуйте, суетные помышления из ума исторгайте, в мечтания и плен скверных и тщеславных помыслов не уклоняйтесь, от общения церковного не отлучайтесь, нищим давайте, о рае и Царствии Небесном беседуйте, помните о смерти... Видите, как быстро идут дни жизни нашей? Как быстро бежит конь, и как птица по воздуху быстро летит,— так и дни наши, и часы, и минуты проходят быстро" (10:533, 521; срав. 3:16—17). "Научись, верующий человек,— читаем в "Повести временных лет" преподобного Нестора Летописца,— быть благочестия свершителем, научись, по евангельскому слову, очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, Господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — моли, умертви грех" (22:119).

Исполнять нужно все заповеданное (Лк. 17, 10), но для тех, которым кажется оно непосильным, в древней русской литературе делается и послабление: "Послушайте меня, если не все примите, то хоть половину" ("Поучение" Владимира Мономаха, 14:42).

* * *

Православная христианская вера овевля русского человека свежим, здоровым дыханием, влила в него живительные струи, согрела его сердце теплом, наполнила его душу неведомым языческому миру добром, побудила его к святой, полной радости и упования жизни.

Помолился же, святой благоверный княже Владимире, "о земле своей и о людех, в ниже благоверно владычествова", дабы они "в мире и благоверии, предадем тобою", могли духовно возрастать во славу Святой Матери Церкви и Матери-Родины, "и да соблюдет их Господь Бог от всякой рати и пленения, от глада и всякой скорби" (св. *Иларион*, митрополит Киевский, 1:76).

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА

1. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Выпуск первый, содержащий поучения: Луки Жидяты, митроп. Илариона, Феодосия Печерского и Кирилла Туровского. Издание журнала "Странник", под редакцией проф. А. И. Пономарева. СПб., 1894.
2. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Выпуск второй: Славяно-русский пролог. Часть первая. Сентябрь — декабрь. Издание журнала "Странник", под редакцией проф. А. И. Пономарева, СПб., 1896.
3. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Выпуск третий: 1. Поучения о разных истинах веры, жизни и благочестия. 2. Слова на св. Четырдесятницу. 3. Поучения против язычества и народных суеверий. Издание журнала "Странник", под редакцией проф. А. И. Пономарева. СПб., 1897.
4. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Выпуск четвертый. Славяно-русский пролог. Часть вторая. Январь — апрель. Издание под редакцией проф. А. И. Пономарева. СПб., 1898.
5. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. (Вып. 1). М., "Художественная литература", 1978.
6. Памятники литературы Древней Руси. XII век. (Вып. 2). М., "Художественная литература", 1978.
7. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. (Вып. 3). М., "Художественная литература", 1981.
8. Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. (Вып. 4). М., "Художественная литература", 1981.
9. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. (Вып. 5). М., "Художественная литература", 1982.
10. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. (Вып. 6). М., "Художественная литература", 1984.
11. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. (Вып. 7). М., "Художественная литература", 1985.
12. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. (Вып. 8). М., "Художественная литература", 1986.
13. "Изборник" (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., "Художественная литература", 1969.
14. Хрестоматия по древнерусской литературе. Составители М. Е. Федорова и Т. А. Сумникова. М., "Высшая школа", 1985.
15. Сокровища древнерусской литературы. Русское историческое повествование XVI—XVII веков. Составление, предисловие, подготовка древнерусских текстов, перевод и примечания Ю. А. Лабынцева. М., "Советская Россия", 1984.
16. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVII вв. Составители С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. М., "Педагогика", 1985.
17. Д. С. Лихачев. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., "Наука", 1985.
18. История русской литературы XI—XVII веков. Под редакцией Д. С. Лихачева. М., "Просвещение", 1985.
19. Н. В. Водовозов. История древней русской литературы. М., "Просвещение", 1972.
20. В. В. Кусков. История древнерусской литературы. М., "Высшая школа", 1982.
21. Памятники русской литературы X—XVII вв.— ТОДРЛ, т. XXV. М.— Л., "Наука", 1970.
22. Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. Составление, переводы и примечания И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. М., "Художественная литература", 1957.
23. Древнерусская литература в исследованиях. Хрестоматия. Составитель В. В. Кусков. М., "Высшая школа", 1986.
24. Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского дома. Сборник научных трудов. Л., "Наука", 1985.
25. Л. А. Дмитриев. Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., "Наука", 1973.
26. Д. С. Лихачев. Избранные работы в трех томах. Т. 2. Великое наследие... Л., "Художественная литература", 1987.

27. Писатели и книжники XI—XVII вв. (Исследовательские материалы для "Словаря книжников и книжности Древней Руси").— ТОДРЛ, т. 40. Л., "Наука", 1985.
 28. *М. Н. Гролов*. Максим Грек. М., "Мысль", 1983.
 29. *Преподобный Феодор Студит*. Творения. Т. II. СПб., 1908.
 30. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцев. М., 1845.
 31. Пролог. Январь — апрель. Б/г и места.
 32. Пролог. Март — май. Б/г и места.
-